

Владимир Рапацевич

Поездка за братом

Наверное, у каждого из нас бывали в жизни моменты, на первый взгляд, самые обыкновенные и ничем не примечательные. Проходят годы и даже десятилетия, а эти моменты живут в нашей памяти. И мы, остановившись порой в стремительной и суетливой нашей жизни, вдруг замираем, боясь спугнуть ту далекую, но такую близкую сердцу картинку, выплывшую из глубины нашего сознания. И хотя прошло много лет, но видишь ясно и красочно те места и людей, слышишь голоса и звуки, чувствуешь долетающий до тебя через время легкий порыв ветра, от которого вдруг сжимается сердце.

События эти уже никогда не вернуть, но и ничто в мире не сможет их у нас отнять...

1

Над деревней занимался рассвет. Иссиня-бордовая заря разрасталась и светлела, рассеивая липкую летнюю темноту, через которую все четче проступали серые контуры домов, тянувшиеся с обеих сторон пыльной, остывающей от летнего зноя дороги...

В третьем от края деревни доме скрипнула дверь, и на крыльцо вышел мальчишка лет девяти, одетый в легкую куртку и кирзовые сапоги, с небольшим вещмешком за плечами. Вслед за ним из дома вышел мужчина, его отец, тоже с рюкзаком и в плаще.

Пока мужчина навешивал на двери замок, из будки показался пушистый щенок. Зевая и потягиваясь, он удивленно смотрел на хозяев, которые собрались куда-то в такую рань.

Щенок, месяцев четырех от роду, имел все, что полагается настоящему псу: просторную будку, ошейник, от которого к будке тянулась легкая цепочка, миску для еды, и носил звучное имя – Космос, данное ему маленьким хозяином.

Мальчик налил в миску свежей воды, положил возле будки несколько вареных картофелин и потрепал щенка по макушке, получив в ответ благодарность в виде теплого щенячьего поцелуя и виляния куцым хвостом.

– Ну ладно, хватит. Сторожи дом. А нам – в поход. Пап, а кто его кормить будет? – мальчик повернулся к отцу.

– Тетя Галя будет кормить, не беспокойся. За четыре дня ничего с ним не случится.

Вышли на улицу. Во всей деревне не светилось ни одного окна. Электричество от старенького дизельного генератора подавалось только с шести часов утра и в двенадцать ночи отключалось.

Отец и сын направились к поскотине – изгороди, которая окружала деревню вокруг и служила преградой для скота, чтобы не выбрался из деревни в лес. Деревенские называли такую изгородь «заплот», впрочем, как и всякую другую изгородь. Лес начинался сразу за огородами и простирался на многие сотни километров.

Подойдя к поскотине, мужчина приоткрыл привязанную проволочной петлей воротину:

– Проходи, да смотри, на «мине» не подорвись, – отец имел в виду коровьи лепешки, в изобилии лежащие то тут, то там на дороге. Через эти ворота каждое утро пастухи выгоняли деревенский скот на выпас, а вечером возвращались со стадом обратно.

Путь предстоял неблизкий: нужно было в течение дня добраться до райцентра. Сделать это можно было двумя способами: пройти восемнадцать километров пешком до соседнего села, а дальше – на автобусе до города. Первую часть пути можно было упростить, так как дважды в неделю на почту отправлялся почтальон на лошади, но не всегда на телеге, бывало, ездил и верхом, так что надеяться на это было рискованно, тем более, что можно было опоздать на автобус, ходивший из райцентра не каждый день.

Поэтому, взвесив все за и против, приняли решение двигаться другим путем, через железнодорожную станцию. Здесь предстояло пройти чуть более двенадцати километров, по пути переправившись через реку Пойму, отделявшую область от соседнего Красноярского края. А затем на поезде, ходившем один раз в день, до станции Нижняя Пойма, а там – переход на станцию Решоты и на электричке до Тайшета. И хотя

добираться приходилось на перекладных, однако, двенадцать верст пешком – не восемнадцать.

Для мальчишки это был первый настоящий переход, поэтому готовились к нему со всей серьезностью.

2

...В свои девять лет парнишка был вполне самостоятелен. Минувшей зимой ему приходилось дважды жить одному. Один раз - неделю, а другой раз - все две. Отцу как главному бухгалтеру колхоза приходилось уезжать с отчетами в районное сельхозуправление.

Ко времени этих командировок сын был обучен всему необходимому: правильно растопить печь, сварить суп или картошку, не говоря уже о том, чтобы принести воды по полведра или дров из-под навеса. За всем этим, конечно, был контроль со стороны соседки тети Маши, живущей через дорогу, которая предлагала парнишке ночевать у неё, но отец с сыном решили, что он справится самостоятельно.

Чтобы печь хорошо растапливалась, главное – не жалеть лучинок. Их отец заготовил на целый месяц вперед. А чтобы правильно сварить суп, была написана подробная инструкция. Когда варили суп с отцом, все было понятно и просто, но когда впервые варил сам, не обошлось без казуса.

Вначале нужно было поставить воду в кастрюле на плиту и, когда закипит вода, опустить пару кусочков мяса. Сделано. Пока варится мясо, почистить две картошки. С этим делом тоже кое-как, но справился. Картошка почему-то чистилась плохо. Кожура срезалась не как у отца – тонкими длинными ленточками, а толстыми ломтями. Поэтому почистить пришлось не две, а четыре. Дальше – покрошил на кусочки, но перед картошкой по рецепту нужно отмерить рюмку перловой крупы.

Вот с этой перловкой у отца в рецепте, по-видимому, вышла ошибка. Наверное, надо было написать стакан, потому, что высыпанной крупы в кастрюле совсем не было видно. Пришлось высыпать еще почти стакан. Потом опустил картошку, добавил столовую ложку соли без верха, немного сушеного лука, и осталось только ждать, когда сварится.

Прикрыл неплотно крышкой кастрюлю, сдвинул к краю плиты, чтобы не сильно кипело, и засел за уроки. Сначала письменные. Русский язык – готово. Теперь математику. Но математику сделать не успел, так как из кастрюли на плиту с шипением стал вылезать суп. Именно вылезать, а не выплескиваться. Открыл крышку и ахнул! Полная кастрюля не супа, а перловой каши, с картошкой и мясом. Ну, каша так каша. Все равно получилось вкусно.

Ели кашу три дня вместе с собакой Белкой, а на четвертый Белка доедала её одна, а мальчишка, наварив картошки, уплетал её с молоком, которое брал у тети Маши по литровой банке в день.

Собака с виду была похожа не на белку, а скорее на лису, только хвост потоньше. На ночь мальчишка запускал Белку в дом, чтобы было веселее. Включал радио или слушал пластинки, которых было великое множество. На пластинки отец денег не жалел. Выписывал раза два в год через базу посылторга. Были здесь и фронтовые песни, и эстрадные, и детские сказки, и радиоспектакли. Ложась спать, мальчик закрывал дверь на крючок, делал радио потише и оставлял в кухне горящую лампочку, чтобы не было страшно.

В полночь радио отключалось, как впрочем, и свет, но парнишка к этому времени уже видел десятый сон. Проспать он не боялся, так как занятия в школе были во вторую смену, и можно было спать, пока не рассветет.

А утром - ноги в валенки и бегом, накинув пальто и шапку, в уборную, а после первым делом затопить печку, и уж потом умыться и почистить зубы, макая щётку в коробочку с зубным порошком...

3

Путники шли не торопясь, старший подстраивался под младшего, и, чтобы тому не было скучно, наставлял его всяким житейским премудростям, почерпнутым из личной жизни. Вообще он редко что рассказывал о войне, но некоторые поучительные истории из военного прошлого отца сыну довелось услышать.

Вот и сейчас на просьбу сына вспомнить что-нибудь про войну стал рассказывать:

– Летом 42-го отступали с боями по направлению к Сталинграду. К утру занимали оборону, окапывались. Днем отбивались от немцев. От самолетов по узким выкопанным щелям прятались. Тут уж, если поленился, окопчик плохой вырыл, считай - труп. Был я тогда минометчиком. На себе приходилось носить и винтовку, и вещмешок, и скатку, но самое главное – расчет таскал на себе миномет с боекомплектom. Один тащит ствол, другой - лафет, остальные – ящики с минами. Как только темнело, снимались и шли на восток, боялись, как бы немцы с флангов не обошли и не отрезали.

– Так вот, один раз ночью шли колонной, я шел с краю, лафет - на спине. Спали прямо на ходу. И вот дорога свернула в сторону, а я, как шел прямо, так и ушел. Степь ровная - сколько прошел, не знаю, пока не запнулся за какой-то бугорок. Упал, а лафетом сверху так припечатало, что спросонья сразу ничего сообразить не мог. Оглянулся вокруг – никого. Погода хоть и ясная, а в новолуние ничего не видно. Сообразил, что идти нужно назад, от того направления, куда упал головой. Подхватил на горбушку свою железяку и бегом назад. Выбежал на дорогу, а не могу сообразить, в какую сторону идти. Вот тогда вспомнил, как мать в детстве мне говорила: «Послушай, Ванька, где земля гудит».

– Упал я на дорогу ухом и слышу: с правой стороны тихонько гул идет. Подхватился и снова бегом в ту сторону.

– Ну и не торопился бы, – вставил свое мнение сын. – Утром бы догнал.

– Утром меня бы уже дезертиром объявили. Кто там разбираться будет: случайно отстал или нарочно.

– Ну, а дальше?

– Дальше... Дальше, ранило меня вскоре в бедро. Два осколка рядышком вошли, хорошо кость не раздробили. Мина недалеко разорвалась, двоих из нашего расчета убило, а я легко отделался. Только вроде на поправку в лазарете пошел, как подцепил тиф. Вшей у всех хватало, хоть и белье в госпитале пропаривали и обстригали налысо. Одыбал только к концу зимы.

Мальчишка видел у отца две большие вмятины на правой ноге, когда мылись в бане.

– А больно было, когда осколки вырезали?

– Больно конечно. Сунули палку в зубы, руки и ноги к столу ремнями. Вот и весь наркоз. Дядьке твоему, Ивану Королёву, ногу наживую ножовкой отпиливали. Он мне потом рассказывал, что от боли просто сознание потерял.

Иван Афанасьевич во время войны служил в артиллерии, и в бою был ранен разрывной пулей в ногу, чуть выше колена. С войны пришел без ноги, на костылях, но работал не хуже любого здорового мужика. Женился, нарожали с женой Полиной троих детей и вырастили их стоящими людьми. Помимо работы в колхозе, шил на машинке всё: от трусов до пальто, а на руках - шапки и унты. В тайгу на охоту ходил на костылях, играл на гармошке на гулянках, держа костыли подмышками и приплясывая на единственной ноге.

Таким его и запомнил мальчишка, приезжавший иногда вместе с матерью к ним в гости. А, бывало, дядя Ваня с тетей Полей приезжали сами на маленькой инвалидной машинке с мотоциклетным двигателем и брезентовым верхом, выданной бесплатно как фронтовику-инвалиду.

4

Стало совсем светло. Птицы, сходявшие с ума на восходе солнца, немного поутихли. Кое-где в ложбинках таяли последние клочки тумана. На траве вдоль дороги сверкали и переливались тысячами искр капельки росы.

Дорога шла по верху небольшой горы, огибая её слева. По обеим сторонам росли стройные высоченные сосны. Темные снизу, выше они светлели и становились янтарного цвета. Казалось, что стволы светились насквозь под лучами утреннего солнца. С другой стороны дороги росли кусты, уходившие вниз, а вдали лес сливался и казался не зеленым, а голубовато-синим.

Мужчина вдруг остановился, сложил руки воронкой у рта и громко протяжно крикнул. Через пару секунд послышалось ответное, не такое звучное, но долгое эхо.

Детский голос тут же подхватил эту переключку, и эхо тоже звонко ответило ему.

Отец громко запел одну из своих любимых песен:

Когда в поход товарищ улетает,
За ним родные ветры вслед летят.
Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд.

Повтор припева он пропел специально громче, делая паузы, и эхо вторило ему.

Потом отец пел «Тучи над городом встали...» и «Я люблю тебя, жизнь...». Сынишка тоже подпевал ему в тех местах, где знал слова, а где не знал, просто мычал, подтягивая мотив.

Наверное, будь кто рядом, посмеялся бы от души такому пению, но путники получали от этого явное удовольствие.

Наконец, отец скомандовал:

– Привал! Личному составу облегчиться и приготовиться к приему пищи.

– Есть облегчиться и приготовиться! – отрапортовал сын.

Остановились на подходящей полянке, возле мостика из поперечно лежащих бревен. Под мостиком струился небольшой ручеёк.

– Снимай сапоги, пусть ноги отдохнут. – Мужчина и сам, присев на траву, стянул сапоги и повесил на них портянки, чтобы обдувались ветерком.

Умылись и стали доставать из отцовского рюкзака еду: вареная картошка в мундирах, бутылка молока, лук вместе с головками, кусок желтоватого соленого сала и вареные яйца.

– Молоко и яички нужно съесть сразу, а то пропадут, – отец отрезал от буханки пару ломтей, развернул тряпицу с солью. – Налетай.

Хлеб выпекали сами. В магазин раз в месяц завозилась мука, и деревенские ее брали в основном по два мешка – белую и второго сорта. Отец обычно смешивал её, и хлеб получался «средний» – так его называл сын. Для собаки выпекали отдельно, с добавлением вареной картошки прямо с кожурой, и еще каких-то отрубей. Когда хлеб доставали из печи, то этот, «собачий», пока был горячим, казался мальчишке вкуснее обычного, особенно с холодным молоком, и уплетался за обе щеки.

Как правило, хлеб выпекал отец раз в неделю, но если было некогда, просил соседку испечь и для них булки три. У соседки хлебные формы были большие, и булки получались огромные, а отец где-то раздобыл себе маленькие, и булки хлеба получались небольшие, как в городском магазине.

– Пап, расскажи еще что-нибудь, – попросил сын, прихлебывая молоко из кружки.
- Интересно, а много ты немцев убил?

– Ну, положим, ничего в этом интересного нет. Сколько-то, наверное, убил. Когда выписывался из госпиталя, вербовщики набирали солдат в зенитчики. У меня был только один вопрос: будут возить или опять на себе все тягать. Когда сказали, что будут возить, да еще и на машине, то согласился, не раздумывая, лишь бы снова миномёт не таскать.

– А кто такие вербовщики?

– Да это такие офицеры, которые набирали солдат из других частей или из госпиталей для новых подразделений. У них было на это такое разрешение. И вот я стал наводчиком крупнокалиберного зенитного пулемета ДШК.

– Сколько самолетов сбил?

– Да ни одного. Один как-то подбили, но он на свою сторону дотянул, не знаю, разбился или сел там, у своих. Главная задача у нас была, чтобы не дать немцам точно отбомбиться.

– А фашистов близко видел? Врукопашную дрался?

– Врукопашную тоже не пришлось, слава Богу. После госпиталя вообще находились во втором эшелоне, как и все зенитчики.

Такие ответы мальчишку разочаровывали: как же так, три года воевал, ни одного фрица не придушил, самолетов не насбивал, вообще никаких подвигов не совершил.

– Но у тебя же орден Славы и медаль!

– Всем давали, ну, и мне тоже, – и немного помолчав, продолжил. – Знаешь, сын, часто подвиг приходится совершать, чтобы исправить чье-то разгильдяйство или чью-то халатность, и не дай Бог, чтобы эта халатность была твоя. На войне много людей погибало именно по этой причине, а еще чаще по собственной глупости. – Отец аккуратно сложил остатки еды снова в рюкзак.

– Когда мы возвращались с войны, то плыли на пароме из Болгарии дня три. Несколько наших солдат погибли из-за того, что перепились. Некоторые утонули, некоторые травились спиртом или денатуратом. А война уже месяца три как закончилась. Дома их семьи ждали или невесты...

– Ладно, хорош расслаживаться, давай обувайся. Портянку наматывай другим концом, тем, который был внизу, пусть уходит вверх.

Мальчишка уже достаточно хорошо овладел этим важным умением – правильно наматывать портянки, правда, иногда допускал небрежность, если торопился. Но предстоял еще длинный путь, и небрежность здесь не допускалась.

Сполоснули пустую бутылку, набрали в неё воды из ручья. Куртка сына и плащ отца теперь были упакованы поверх других вещей в рюкзаках. До Поймы оставалось примерно половина пути. Солнце уже припекало, но зноя еще не было. Легкий ветерок играл листьями осин и берез и ласково гладил лица путников.

Часа через два после привала спустились к реке. На противоположном берегу расположился небольшой хуторок, или, как раньше в Сибири называли, заимка. В данном случае это были два жилых дома и разные хозяйственные строения. Тут же стояли два зарода из свежескошенного сена. От домов к реке шла натоптанная дорожка, оканчивающаяся небольшими деревянными мостками. Чуть ниже привязаны на цепь две лодки. Людей возле домов не было видно.

Мужчина сложил рупором ладони и громко прокричал:

– Перево-о-оз! – и, чуть подождав, снова повторил: Перево-о-оз!

Кричать пришлось несколько раз. Лишь минут через пятнадцать показался вышедший откуда-то из-за домов мужик. Махнул рукой, дескать, слышу, и зашел во двор. Вскоре появился с веслами, спустился к реке и, отвязав цепь, столкнул лодку в воду, ловко прыгнув в неё.

Лодка пошла вниз, но перевозчик, усевшись на скамью, буквально в два гребка развернул её против течения и, налегая на весла, поплыл вверх и чуть наискосок к противоположному берегу. Со стороны казалось, что лодка стоит на месте, только с каждым гребком чуть приближается к путешественникам.

Вскоре лодка уткнулась носом в песок, и сначала мальчишка, а затем и его отец, чуть оттолкнувшись от берега, вскочили в неё. Расселись – мальчишка на носу, отец пробрался на корму, и лодочник, развернув судно против течения, погнал его точными и сильными гребками обратно. Ближе к берегу чуть сбавил ход, и лодка, развернувшись носом вниз, точно причалила к мосткам.

Взрослые разговорились, а мальчишка занялся тем, что начал пускать «плисточки» по воде плоскими камушками, коих на этом берегу было великое множество.

– Коли вы к поезду, то что-то рано пришли, – говорил лодочник, который заодно был и лесничий, и пасечник в одном лице. – Почитай еще три часа до поезда.

– Да вот с мальцом первый раз, далековато, вдруг ногу натрет, или с перевозом долго задержаться придется, вот и вышли на всякий случай пораньше, лучше уж на станции подождем.

– Ну, вы покуда посидите в тенечке, – хозяин показал рукой на стол со скамьёй, стоящий возле палисадника, под густой черемухой, – я сейчас мед качал, угощу.

Пасечник понес весла в ограду и вскоре вернулся, держа в руках миску с медом и кринку с молоком.

– Сейчас подождите, кружки захвачу, – он снова сходил в дом и принес кружки, хлеб и прямо в деревянной рамке соты, полные меда.

– Тебя как звать? Володька? Ешь, Володька, сколько влезет, не стесняйся, – угощал пасечник, вырезая соты ножом из рамки.

Мед с молоком и хлебом – это объеденье! А мед в сотах до этого мальчишка видел лишь на картинке. Откусываешь вместе с воском и жуешь. Мед растворяется во рту, а воск, пожевав, выкладываешь на стол. А потом запиваешь это все добрым глотком холодного молока. Вначале казалось, что можно съесть весь кусок одному, но почему-то быстро пришло насыщение, хоть глазами и хотелось еще, но больше не влазило. Взрослые посмеивались над ним, мол, слабак, а сами макали хлебом в чашку с медом и, запивая, в промежутке делились друг с другом новостями, рассуждали о жите-бытье.

Пасечник был крепким и жилистым мужиком, носил небольшую бородку на скуластом загорелом лице, возрастом примерно лет сорока. Официальная должность у него была лесничий, а остальное, как он выразился, было в нагрузку.

Жена с сыновьями с утра были на покосе, примерно в километре от заимки. Сена на зиму требовалось много – две лошади, коровы, бык, не считая мелких овец и коз. В прошлую зиму еще и косуль подкармливали.

Между собой мужчины были знакомы года два и в разговоре друг друга называли по именам: лесничий называл путешественника Иваном, а тот его – Василием. Познакомились они, когда Ивану приходилось добираться этим же путем после назначения его на работу в колхоз имени комиссара Бича главным бухгалтером...

Когда мальчишка спустился к речке отмывать липкие от меда руки, Василий спросил:

– Раньше-то что-то один был, а сейчас с мальчонкой.

– Да, вот вдвоем теперь живем. От жены я ушел, не мог уже терпеть её скандалы, как выпьет. Чем дальше, тем больше. Договорился с председателем, он меня по-тихому уволил, дал расчет, а вещи я заранее в контору унес. Машина в райцентр шла, я с ней и уехал. Короче говоря, сбежал. Часть зарплаты оставил и письмо попросил передать на следующий день. Очень не хотел скандала. Приехал в Тулун, первым делом поехал к брату жены – Ивану Афанасьевичу. Рассказал, что и как. Ну, о многом в нашей жизни они сами знали. А на следующий день – на поезд и поехал по друзьям-однополчанам. Полстраны объехал; с кем переписывался – у всех побывал. В Москву заехал к племяннице, в Узбекистан – к родственникам жены. Потом назад, в Сибирь. В Тайшете у меня ещё один однополчанин живет – Лелеко. Приехал я к нему, а дальше ехать некуда. Вот он меня и устроил главбухом в колхоз. Здесь я маленько пришел в себя. Деревня глухая, и люди хорошие. Потом через дочку старшую договорились с женой, что Володька у меня будет жить, а Валерка с матерью пока. Теперь вот еду его встречать. Втроем теперь жить будем. Ему восьмой класс осталось закончить, а там можно в училище поступить или еще куда. Другие уже самостоятельные.

– Ну, удачи вам! Обратно как добираться будете?

– Из города удобнее на автобусе до Тремино. А можно и на «кукурузнике». К школе еще надо кое-чего прикупить, – отец встал из-за стола. – Спасибо за угощение, не будем отвлекать от дел, и так час почти потратил на нас.

Мужчины пожали друг другу руки. Мальчишка тоже попрощался по-взрослому, за руку, и двинулись дальше.

Вскоре показалась окраина поселка: огороды, здания леспромхоза, какие-то еще строения, – но железной дороги не было видно. Отец объяснил сыну, что здесь по железной дороге ходят тепловозы, а потому признаков железной дороги – электрических столбов – здесь нет.

– Сейчас на вокзале билеты купим, и можно будет покемарить.

Вокзалом оказались три двухосных вагончика, сцепленные между собой и стоявшие на узких невысоких рельсах – узкоколейке. Вагоны эти отец назвал «стольпинскими». Примерно в таких его родители вместе с земляками проделали большую часть пути, переселяясь из Белоруссии в Сибирь в начале века.

В одном из вагонов, с крупно написанным на боку названием станции, находились касса и что-то вроде станционной конторы, другой был предназначен для рабочих – отец назвал его «тепляр», а третий выполнял функцию зала ожиданий. В нем были устроены столики, деревянные сидения, верхние откидные полки. В общем, как и в современных поездах, только не обшиты дерматином.

Стекла в вагоне в последний раз мылись, вероятно, еще при Столыпине, и были настолько мутными, что разглядывать через них окружающий пейзаж было совсем неинтересно. Поэтому мальчишка вскоре обратно спустился по ступенькам из вагона и стал прохаживаться вокруг, изучая окрестности. Станция представляла собой небольшой разъезд. Помимо основного пути были еще два, один из которых уходил в сторону. По нему доставлялись вагоны с лесом. Собственно, станция и была ради этого построена. Основной рабочей силой были зэки – заключенные, и химики – те же зэки, только бесконвойные.

За вокзалом находилось самое необходимое сооружение – уборная, к которой вел деревянный настил шириною в две доски. На дверях уборной, побеленной известью, имелись необходимые для такого строения крупные буквы «М» и «Ж». Других достопримечательностей поблизости не наблюдалось.

За час до поезда пришла кассир – женщина предпенсионного возраста необъятных размеров. С трудом протиснувшись в дверь кассы, она начала продавать билеты, внимательно изучая пассажиров.

Билеты представляли из себя небольшие продолговатые картонные карточки с отверстием посередине. На билетах наших путешественников была напечатана надпись «ст. Тиличь – ст. Ниж. Пойма» и стоял серийный номер.

Люди потихоньку подходили и подходили, и к прибытию поезда набралось человек тридцать.

Дремавший на столбе алюминиевый громкоговоритель вдруг громко щелкнул и на простом деревенском наречии объявил: «Пасажирский поезд Карабула – Нижняя Пойма прибывает на второй путь! Будьги астарожны!», – и еще раз повторил. Народ дружно повернулся в сторону прибывающего поезда. Вскоре показался дымящий и рокочущий

чумазый тепловоз, тянувший за собой несколько пассажирских и пару грузовых вагонов.

Хрипло свистнув, локомотив обдал жаром дизеля толпящихся пассажиров.

– Я тебя посажу, и ты быстро в вагон и занимай место на себя и меня, понял?

– Понял! – ответил сын и, ухватившись за поручни, сумел первым нырнуть в вагон мимо еще не успевших выйти приехавших.

Когда все разместились, стало понятно, что поторопились не зря. Некоторым нерасторопным места не хватило, и они стали ходить из вагона в вагон, отыскивая, где посвободней.

Духота в вагоне была невыносимая, и все с облегчением вздохнули, когда поезд, наконец, тронулся. В приоткрытые окна врывался воздух, хоть и не прохладный, но все-таки освежающий...

Мужчина задумчиво смотрел в окно, за которым тянулась тайга. Мальчишка спал, облокотившись на рюкзак. На одном из разъездов долго стояли, пока не прошел встречный товарный порожняк, освободив путь. И снова перестук колес, и нахлынувшие воспоминания...

7

Жизнь неслась мимо, как проносится за окном пейзаж. Скоро уже шестьдесят, а что сделано? И сколько еще осталось? Вроде бы и сделано немало, да только самое главное не сложилось – семья. Хотя было все: и жена, и дети, и дом. Детей родилось шестеро, один маленьким умер. Наверное, где-то недоглядели, и в возрасте девяти месяцев сгорел от воспаления легких буквально за три дня.

...Все было как будто вчера. Вернулся из армии, ровесники уже все давно переженались. На вечерках бывал редко, возраст уже не тот, да и бойкостью с женским полом не отличался. Так, приходил иногда, сидел где-нибудь с краю, наблюдал. И как-то стал ловить себя на том, что взгляд все время ищет молоденькую Дуняшку Королёву, шуструю, бойкую на язычок. Попробовал как-то проводить, но та, озорно сверкнув глазами, под хохот подружек выдала такую частушку, что в пот бросило. Так и ходил, как телок, не решаясь объясниться, а к концу зимы, была – не была, заслал сватов.

Как ни странно, но сватовство удалось. И хотя молодая замуж не собиралась и встретила сватов со слезами, спрятавшись за занавеской, отец её, Афанасий, проявил волю. Стукнул кулаком по столу: «Цыц! Пойдешь, как миленькая! Какóва тебе жениха ещё нада? Грамотный, не бедный – вон патефон даже есть. А мы тут с голодухи только пухнуть перестали. Забыла, как лебеду в хлеб подмешивали, да тюрю на обед хлебали? А за им будешь как за каменной стеной!» И добавил: «Стерпится – слюбится».

В общем, весной расписались. Свадьбу громкую не делали, родители невесты благословили иконой, и все вместе пешком отправились в сельсовет, а потом устроили

скромную гулянку. Жить стали отдельно, купив маленькую старую избенку. Вроде стало все налаживаться. Жену молодую любил, как умел, жалел, и вскоре она оттаяла.

А через год – война. Призвали, правда, в марте 42-го. Сначала учебка на станции Мальта. Те два с половиной месяца показались бесконечными. В учебке – школе младшего командного состава, совсем почти не кормили. Как объяснил командир: «Солдат должен быть злым! А сытый солдат злым быть не может. Вы должны быть не просто злыми, а люто ненавидеть фашистскую гадину, напавшую на нашу священную Родину!». А пока, за неимением фашистов, приходилось люто ненавидеть своих командиров, гонявших до изнеможения. Так что получение сержантских лычек и отправку на фронт встретили с радостью, главным делом из-за полагающегося фронтowego пайка.

На фронте тоже хорошего было мало. Сыну сегодня рассказывал, как приходилось, отступая, на себе все таскать. А немцы на машинах, и у большей половины автоматы. А нам сразу, как прибыли на фронт, – одна винтовка Мосина на троих и к ней две обоймы патронов, на ногах обмотки, и миномет на себе – и все пёхом. И только после госпиталя стало полегче.

Сыну вот интересно, как немцев убивали. Конечно, в книжках и в кино все красиво описывается – подвиги, героизм. И в памяти всплыл день, когда показалось, что все – конец. Самое удивительное, что случилось это уже в конце войны, в марте 45-го, в Венгрии, недалеко от озера Балатон...

Немцы, собрав в единый кулак танковую и полевую армии, а также имея в своем составе венгерский танковый корпус и другие, более мелкие части, встречая ожесточенное сопротивление наших войск, за несколько дней боев прорвали глубоко эшелонированную оборону, пытаясь выйти к Дунаю.

Укрепления зенитчиков, в которые входил расчет Ивана, находились более чем в десяти километрах от линии фронта, на небольшой возвышенности. От линии фронта к ней шла дорога, в низине проходившая по невысокой дамбе между небольшим заросшим озерком и болотом. На третий день жестоких боев, около полудня, со своих позиций зенитчики увидели появившихся мотоциклистов и за ними следом грузовики с пехотой. Сразу и не поверилось в реальность происходящего, не может быть, чтобы немцы прорвали такую оборону!

– К бою! Расчеты, по машинам – огонь! – пронеслась команда.

Пока развернулись и приготовились, немцы проскочили дамбу и начали подниматься к высотке. Первая выпущенная очередь прошла выше мотоциклистов и попала по грузовику, от которого в разные стороны полетели щепки, и через несколько секунд он запылал. Солдаты рассыпались, как горох по склону, и залегли. Другие грузовики остановились, и из них тоже выпрыгивали солдаты. По ним ударили второй и третий расчеты. Мотоциклисты, резко развернувшись, рванули к кустам. Но успели туда не все. Через прицел зенитного пулемета Иван видел, как разлетались в разные стороны части тел: руки, ноги и какие-то ошметки, – когда в них попадали крупнокалиберные пули. Тем временем немецкая пехота открыла ответный огонь из автоматов и ручных

пулеметов. Но «шмайсеры» были практически бесполезны на таком расстоянии, а вот пулеметы сильно напрягали. Вскоре подключились немецкие минометы, которые начали бить из-за дамбы, но мины, к счастью, немного не долетали до позиций зенитчиков.

Решили бить из ДШК по залегшим немцам, чтобы вынудить их отойти. Пули шли по самой земле, взрывая её, срезая кусты и мелкие деревца. Было видно, что когда они достигали цели, то тела даже подкидывало от земли. Немцы, не выдержав мощного перекрестного огня, начали отходить вниз.

На какое-то время бой стих. Но тут из-за дамбы послышался гул, и вскоре, дымя выхлопными газами и разбрасывая грязь, показали с десятков танков. Это были средние и тяжелые танки «Тигр-2» и «Пантера».

Ближе к дамбе танки вытянулись в колонну, пехота стала подтягиваться за ними. Бронированные машины двигались уверенно и не спеша, наверняка зная, что никаких серьезных оборонительных укреплений у русских здесь уже нет.

Дали длинную очередь по переднему танку. Пули, попадая по броне, рикошетом отлетали в стороны, не нанося тяжелой машине никакого вреда. Правда, пехоту отсекали, и та залегла.

Вот в это время и показалось – хана! Сейчас проскочат дамбу, развернутся с обеих сторон, и будут, даже не стреляя, просто уютжить позиции зенитчиков. А кто уцелеет, того добьет пехота. И ни одной противотанковой гранаты. Эти мысли, помимо воли, вихрем пронесли в голове, но вдруг произошло что-то необъяснимое.

Позади позиций зенитчиков, немного в стороне, из-за одиноко стоявшего полуразрушенного сарайчика раздался пушечный выстрел. Через три-четыре секунды перед передним «Тигром» разорвался снаряд, взметнув столб земли, комья которой вместе с осколками застучали по броне. Танк замер и начал, как бы удивленно, вращать башней вправо-влево, выискивая неожиданного наглеца. Ствол начал подниматься вверх, в сторону сарая, но не успел. Второй выстрел пришелся прямо под башню, и она неестественно накренилась наискосок, а через мгновение раздался мощный взрыв, которым башню подкинуло вверх, и она, перевернувшись в воздухе пару раз, шлепнулась об землю. Это от детонации рванул танковый боекомплект. Остальные немецкие танки начали пятиться назад.

Послали бойца к сараю посмотреть, что за спаситель объявился. Вскоре солдат вернулся назад и доложил, что там находится наша самоходка, у которой была неисправна топливная система, вышедшая из строя, когда они двигались к передовой в составе артиллерийской бригады к линии фронта два дня назад. Получили разрешение остаться и, отремонтировавшись силами экипажа, стали догонять своих, но не успели. К счастью для зенитчиков.

Разбитый немецкий танк перекрыл весь узкий проход по дамбе, и как немцы не пытались объехать его, или спихнуть – не получилось. Пытались оттянуть его, зацепив тросами уже по темноте, но самоходка сделала пару прицельных выстрелов, и немцы эту попытку оставили. Ограничились тем, что обстреливали позиции обороняющихся из

танков и самоходок, но серьезного вреда не нанесли. А к концу следующего дня подошли наши резервы, артиллерия произвела мощную артподготовку, и немцы были отброшены.

До конца войны попыток наступлений немцы больше не предпринимали. А советские войска двинулись к столице Австрии – Вене. В её пригороде и встретил Иван Победу.

8 мая, ближе к ночи, вдруг раздались автоматные очереди, солдаты выскакивали на улицу, и, сообразив в чем дело, тоже начинали палить вверх, орать что-то бессвязное и обниматься – война закончилась.

8

– Пап, давай поедим, – Ивана вывел из раздумья голос проснувшегося сына. Достали хлеб, сало, остатки картошки. Перекусив, отец принес кипяток в пол-литровой банке от проводника и, насыпав туда немного заварки, накрыл банку железной крышкой, чтобы тот запарился.

– Горячий чай в жару – самое милое дело. Жажду хорошо утоляет.

Затем достал добрый кусок комкового сахара и, держа его в ладони, несколькими ударами ножа расколол на кусочки.

– Давай вприкуску, – и отлил чай из банки в кружку сына.

Макая сахар в чай и посасывая, мальчишка начал швыркать из кружки, издавая характерные звуки. Попутчики с улыбкой смотрели на это действие, некоторые, соблазнившись, тоже пошли за кипятком.

Проехали канифольный завод, и вскоре показались вырубленные просеки, огороженные участки, проселочные дороги, огороды и постройки.

Поезд прибывал на конечную станцию. Народ засуетился и потянулся по проходу в тамбур. Показался небольшой деревянный вокзал с надписью «Нижняя Пойма», стоявший высоко на пригорке.

С удовольствием покинули душный вагон, на ходу разминая затекшие ноги. Примерно половина приехавших двигалась в одном направлении – к станции Решоты, расположенной на основной железнодорожной ветке Транссиба, соединяющей Владивосток с Москвой и другими городами необъятной страны.

– Сейчас возьмем билеты на электричку и через полтора часа будем в Тайшете.

– А когда прибудет электричка? – в голосе сына были нотки усталости.

Отец посмотрел на часы:

– Да минут через сорок. Так что успеем дойти, взять билеты и в туалет сходить.

По улице вдоль железной дороги дошли до решотинского вокзала. В отличие от нижнепойминского, этот был просто красавец. Обшитый тесом, покрашенный в зеленый

и желтый цвета, а под крышей ажурные карнизы. Виадук на другую сторону железной дороги и заасфальтированный перрон и платформы. Все вокруг побелено: и бетонные ограждения, и кусты акаций, черемух, тополей. Даже имелась пара ларьков, в которых продавались пирожки, мороженое и газированная вода в бутылках.

Купили два мороженого и бутылку лимонада в дорогу. Настроение у мальчишки резко улучшилось. Сын просил купить с собой еще и пирожков, но отец сказал, что пирожки будут вечером в Тайшете и гораздо вкуснее магазинских. Едва успели доесть мороженое, как объявили электричку, прибывающую на второй путь.

Весело посигналив, она приближалась к платформе и, казалось, улыбалась красным полосатым ртом на веселой глазастой морде. Раздвинулись двери вагонов, выпуская приехавших и тут же принимая обратно новых пассажиров, которые дружно рассаживались по деревянным скамейкам, закидывая сумки и чемоданы на небольшие багажные полки или просто оставляя их у ног.

«Пригородный электропоезд Иланская-Тайшет отправляется со второго пути от перрона», – объявили на станции. А внутри вагона голос подтвердил: «Осторожно, двери закрываются, следующая остановка «Лесная»».

Замолотил под вагоном компрессор, двери с шипением закрылись, и электричка, длинно свистнув, тронулась, быстро набирая ход и издавая звук, похожий больше на звук набирающего скорость автомобиля. Ехать в электричке было намного веселее, хотя она часто останавливалась, иногда даже там, где и домов не было. Кое-где вместо названий объявлялись длинные номера километров.

– Сейчас снова будет Тайшетский район, и время там - иркутское, – сказал отец.

– Точильный. Следующая остановка Урало-Ключи, – подтвердил динамик.

По-хозяйски рассматривая пассажиров, не спеша, подошла кондукторша в черном железнодорожном костюме и, проверив билеты, дырявила их железным компостером, похожим на небольшие кусачки. Входившие на остановках покупали билеты прямо у неё.

Солнце приближалось к горизонту и уже не было жарким, а через открытые окна врывался приятный ветер. Пассажиры входили и выходили на остановках, ближе к Тайшету их становилось все больше, и вагон постепенно стал полным. На соседнем сиденье четверо играли в «дурачка», положив на колени чемоданчик, взрываясь иногда смехом и азартными возгласами: «А ну-ка, вот эту побей! А козыря! Дай ему еще!» – и слышались громкие шлепки карт о чемодан. – «Ну, куда ты в масть даешь? Не видишь, что у него одни пики! Эх, ты, играя! Вот и меси теперь колоду сам!»

В дальнем конце вагона компания молодежи, напевала под гитару незнакомую мальчишке песню, припев которой ему сразу же запомнился:

А я еду, а я еду за туманом,
За туманом и за запахом тайги...

Потом знакомую:

Под крылом самолета
О чем-то поет,
Зеленое море тайги...

– Смотри, сейчас будет Бирюса! – сказал отец. Все прильнули к окнам, хотя многие ездили через реку часто, а некоторые чуть ли не каждый день, и все равно вид реки завораживал. Электричка загрохотала по мосту, и компания молодежи тут же подхватила:

Там где речка, речка Бирюса,
Ломая лёд, шумит, поёт на голоса,
Там ждет меня таёжная,
Тревожная краса...

Электричка подошла к небольшому вокзальчику с надписью «ст. Бирюсинск». Из разговоров входящих и выходящих мальчишка услышал часто повторяющееся слово «Суетиха».

– Пап, а кто такая Суетиха?

Отец улыбнулся:

– Раньше так поселок назывался, а лет пять-шесть назад стал городом. Теперь называется Бирюсинском.

Когда поехали дальше, почувствовался очень неприятный запах. Справа по ходу поезда дымились какие-то темно-коричневые кучи.

– Это лигнин – отходы гидролизного производства, – пояснил отец.

– Как же здесь люди живут? – удивился сын, – наверное, в противогазах ходят.

– Человек ко всему может привыкнуть, хотя здоровья от этого не прибавляется.

Еще минут через десять поезд замедлил ход и, огибая холм, прокатил мимо переезда, на котором с обеих сторон перед шлагбаумом стояли машины. Электричка, покачиваясь, закрипела на стрелках, справа по высокой насыпи в попутном направлении шел товарняк, затем показались какие-то строения.

– Это из Абакана поезд идет. А ещё из Тайшета идет ветка на станцию Лена, только она с другой стороны. Так что Тайшет – это перекресток железных дорог.

Вот и вокзал. Самый большой из тех немногих, которые мальчишка видел в своей жизни. Впервые он оказался здесь прошлой осенью, на ноябрьских каникулах, когда тайком удрал от матери и рванул к старшей сестре, живущей в Тайшете. Решился на это не сразу. К зиме мать с отчимом обещали купить новое пальто или хотя бы телогрейку. Ну, и на ноги что-нибудь. Но уже прошел Покров, и когда стало ясно, что и с этой полочки ничего не будет, созрел план.

В старой телогрейке в школу ходить стыдно перед пацанами, да и девчонками, руки чуть не по локоть из рукавов наружу торчат. Кое-как дотерпел до каникул, все прикинул. Адрес сестры в Тайшете был. Решил доехать до неё, пожаловаться на мать с отчимом, ну и она, наверняка, что-нибудь купит. Да и побывать в городе с таким красивым названием Тайшет – почти Ташкент – тоже хотелось. Воображение рисовало его красивым и большим, тем более слышал, что это станция самая крупная в области, после Иркутска.

Вечером на автобусе нужно умыкнуться до Курзана. Ни у кого из попутчиков это не вызывало подозрения, мол, поехал к тетке – глухонемой Пашеньке. Главное, чтобы брат Валерка ничего не пронюхал. Утром – на электричке из Тулуна, только бы не проспять. А та без пересадки идет до Тайшета. От вокзала через виадук и на улицу Матросова. Вот и все дела. Сестра писала, где живет, как приехать и как найти. Звала в гости мамку. Но мать в гости так и не собралась, зато адрес пригодился и был вызубрен наизусть.

Записку матери о том, что уехал, нужно оставить так, чтобы не наткнулись сразу, а только когда начнут искать, куда Володька запропастился. Дело оставалось за малым. Для осуществления всего плана нужно было как минимум три рубля на электричку и автобус.

Сначала хотел стырить у матери, но у них с отчимом деньги от полочки уже разошлись, а что осталось, было друг от друга надежно заныкано. Тогда решил сделать вот что: « Попрошу у бабы Лены Ивановой, вроде, как мамка попросила одолжить до полочки. Ну, а там семь бед – один ответ».

В том, что план сработает, был твердо уверен. Мать иногда действительно посылала занять в долг до полочки, и баба Лена занимала, когда рубль, а когда три. Деньги нужно было занять под вечер в день отъезда, а то вдруг баба Лена мать увидит и начнет про долг расспрашивать.

В небольшую холщовую сумку сложил кой-какие пожитки. На себя решил одеть не телогрейку, а легкую куртку, более-менее приличную, и зимнюю шапку. В автобусе тепло, в поезде тоже. Только, если электричку долго ждать, есть риск задубеть, но там можно и в будку на переезде зайти и погреться.

Часа в четыре пошел до бабы Лены. Та была дома, растапливала печь. Когда услышала просьбу занять денег, сказала твердо, как отрезала:

– Не займу! И пусть больше не посылает. Опять пропьют на пару с Сашкой. Пусть хоть обижаются, хоть нет. Не дам!

План, еще пять минут назад, казавшийся твердым и продуманным, рухнул, как карточный домик. Мальчишка не мог прийти в себя, на глаза навернулись слезы. Баба Лена внимательно посмотрела на него, придвинула табурет:

– А ну-ка, садись и все рассказывай.

Всхлипывая, как маленький, рассказал все: и про план, и про сестру, и про телогрейку.

– Я не хотел обманывать. Мамка все равно бы долг отдала.

– Собрался значит, ну, ладно. Попей пока молока, – баба Лена налила в кружку из стоявшей на столе банки, предварительно размешав ложкой, скопившуюся сверху густую сметану. Достала накрытую полотенцем круглую булку домашнего хлеба и, прижав её к груди, ножом отрезала краюху. – Давай пей.

Сама прошла в горницу и вскоре вышла, принеся завязанный узелком носовой платок.

– Смотри, матке ничего не говори. Ни сейчас, ни потом, когда вернешься, – и протянула синенькую сложенную вчетверо пятёрку.

Парнишка не верил своим, широко раскрытым глазам.

– Спасибо... Я потом отдам, – смущенно забормотал он.

– Отдашь, отдашь, куда ты денешься, – улыбалась губами баба Лена, вытирая кончиком платка попавшую в глаз соринку или слезу. Мальчишка этого так и не понял – ему было уже не до этого. Выскочил, не допив молоко, ноги сами понесли домой. Проскочил в пустую стайку, где была припрятана сумка, и огородами до проулка. А там, не спеша, как бы прогуливаясь, до Новой улицы, ждать автобус, когда он пойдет уже из села назад в город. Записку еще после обеда положил за «Божничку» – икону, стоявшую в переднем углу в комнате. Иконой этой родители когда-то благословляли молодых – отца и мать. За ней всегда хранились самые важные документы и квитанции. Лишь бы не наткнулись на неё раньше времени.

Дальше все пошло по плану. В Курзане сестра отца, которую все звали Пашенька, обрадовалась приезду младшего племянника, она любила его больше всех и нянчила, когда был совсем маленьким, пока мать работала в колхозе от зари до зари. Шепотом Пашенька могла говорить некоторые имена и слова, повторяя их по два раза. Всех женщин звала «Танька-Танька» и руками показывала приметы – округлости груди или живота – «такая». Или мужчин «папа-папа» и показывала, к примеру, воображаемые усы или погоны на плечах.

Глухонемой она стала в возрасте шести лет, так что многие слова помнила. Особенно хорошо – матерные. Мальчишку она звала «Волота», что было достаточно хорошо похоже на – Володя. Его братьев – «Туля» и «Тинка», родителей мальчишки – «Ванька» и «Уська» – Дуська.

Знаками объяснил ей, что едет утром на электричке к сестре Людмиле, которую Пашенька звала на свой лад – «Тука». Теткин язык парнишка знал хорошо с пеленок и бойко с ней общался.

Завели будильник пораньше, поужинали жареной картошкой на сале, попили чаю с леденцами, и, уставший от всех пережитых за день событий, мальчишка, чуть коснувшись головой подушки, провалился в глубокий сон.

Утром, едва зазвонил будильник, вскочил, быстро оделся. Поднялась и Пашенька. Заставила выпить молока с хлебом и сунула в карман тряпицу с припасенной мелочью, копеек тридцать. Копеечки эти – от копейки до пятака, она частенько откладывала, получая сдачу в магазине, вместо гостинца. Обнялись, и мальчишка, осторожно ступая в потемках, вышел на улицу. Огней в окошках почти не было, только вдалеке ярко светился огнями переезд. Идти к нему пришлось быстро, не потому, что поджимало время, а потому, что поджимал морозец. Градусов двадцать было точно. На переезде, поздоровавшись, зашел в будку. Дежурный по переезду посмотрел неодобрительно на одежду, но ничего не сказал, только бросил коротко:

– Грейся. Электричка минут через десять будет.

В жарко натопленной будке мальчишка согрелся быстро, и уже начало клонить в сон, как вдруг коротко затренькала и замигала матовой лампочкой сигнализация на стенке.

– Нечетный, – сказал, вставая и потягиваясь, дежурный. – Наверняка, электричка.

Вышли наружу. На платформе уже прохаживались, поеживаясь несколько человек. Вскоре подошла электричка и, приняв ожидающих в полупустой вагон, покатила дальше, постукивая колесами по стыкам рельс.

Мальчишка выбрал сиденье, под которым был установлен электрический подогрев, прислонился к стенке. За окном было еще темно, и разглядеть что-нибудь было трудно. Но до Нижнеудинска ехать еще два часа, и от Нижнеудинска до Тайшета не меньше трех. Насмотреться можно досыта.

Подошла проводница, и критически осмотрела парнишку.

– С кем едем? И куда?

– Мне до Тайшета, – сказал тот, протягивая деньги. – Я один еду, к сестре, – и для убедительности показал конверт с адресом.

– Мамка заболела и меня одного отправила, – пришлось слегка приврать.

– Ладно, смотри не шляйся по вагонам, а то высажу и сдам в милицию. Билет тебе дам до Нижнеудинска, а там другая бригада меняется, у них и купишь до Тайшета. На вокзал покупать не ходи, сиди в вагоне, а то еще под поезд попадешь.

Проводница оторвала длинную ленту билетов от висевшего на сумочке рулона, отсчитала сдачу, и, ворча себе под нос, пошла дальше...

...Сказать, что сестра удивилась приезду младшего, значит, ничего не сказать. Даже вначале принялась ругать, но потом, порасспросив о житье и малость остыв, сказала:

– Ладно, пока посиди дома, вон телевизор можешь посмотреть, а мне на работу надо идти на ночное дежурство. А утром что-нибудь придумаем.

С работы ей удалось дозвониться отцу и вкратце обрисовать ситуацию. Отец с ходу предложил забрать сына к себе. Запрос можно сделать в школу, где учился, чтобы выслали документы, а пока можно договориться с директором школы, походит и так.

А через пару дней объявился сам. Купили самое необходимое из одежды и учебники с тетрадками и на следующий день собрались в дорогу. Короткое письмо матери сын написал сам. В нем попросил прощения за побег и сообщил, что пока будет жить с отцом. Письма пишите на такой-то адрес.

На автовокзале опустил письмо в почтовый ящик. Впереди ждала новая жизнь, новые друзья, новые радости и печали...

10

...Электричка остановилась и с шипением раздвинула двери. Приехавшие дружным потоком хлынули на перрон. Здесь часть из них двинулась через виадук, а с ними и наши путешественники. Спустившись с перехода, вышли к скверу и по тротуару мимо Дома пионеров пошли по улице Матросова, в конце которой находился постоялый двор.

Постоялым двором его прозвали Черчетские командировочные, иногда жившие здесь, или просто деревенские, которым нужно было переночевать и ехать дальше. Дом располагался в глубине маленького огорода и представлял собой небольшой пятистенок. Хозяйкой была добродушная пожилая женщина Ксения Иосиповна. Увидев идущих через огород мужчину и мальчика, она распахнула калитку и приветливо улыбаясь, пригласила гостей в дом.

В доме стояло несколько кроватей, аккуратно заправленных, на каждой из них горкой располагались подушки, пахло наваристым борщом и чем-то еще домашним и вкусным.

– Умывайтесь с дороги, а я пока на стол накрою, – хозяйка начала собирать на стол, – Хорошо, Иван Иваныч, что предупредили о приезде, я уж поджидала к ужину. Сегодня одни будете ночевать. Деревенские вчера уехали. – И она стала перечислять, кто был у неё накануне, зачем приезжали и что купили. Пока гости умывались и распаковывали вещи, на столе появились тарелки с борщом, белый, нарезанный крупными ломтями хлеб, чашка размером с небольшой тазик, полная пирогов.

– Кладите сметану. Сейчас я самовар поставлю.

Насчет пирогов отец не обманул. И хотя после борща есть уже совсем не хотелось, но парочка – один с капустой, другой с луком и вареными яйцами – ушли «за милую душу».

– Какие планы на завтра? – расспрашивала Ксения Иосиповна отца.

– С утра пойдем к дочке в гости, и вы пожалуйста с нами.

...В том, что старшая дочь Людмила стала жить в Тайшете, была большая заслуга Ксении Осиповны. Дочь приехала в гости к отцу из Самарканда, где жила у тетки по материнской линии. Отец, приехавший ее встречать, остановился, как обычно, на постоялом дворе. Туда же на огонек заглянула хозяйкина подруга Анна и, увидав Людмилу, молодую, красивую, очень похожую на актрису Варлей из фильма «Кавказская пленница», пришла и на следующий день. О чем-то пошептались с Ксенией Иосиповной и в результате зазвала Людмилу с отцом к себе в гости. Оказалось, что у нее есть сын Николай, «засидевшийся в девках» крепкий парень, работающий в милиции, но в отношениях со слабым полом дитя дитем. В общем, приехавшая в отпуск городская модница, возле которой вились тучей поклонники, через неделю была «окручена», сосватана, а чуть позже стала носить новую фамилию...

– Оттуда все вместе пойдем к электричке встречать сына Валеру. Будет у нас восьмилетку заканчивать. А послезавтра надо к школе прикупить кое-что, да и домой собираться, – и, повернувшись к сыну, клевавшему носом, добавил, – вот брат приедет, веселее будет. Давай в уборную, да ложись спать.

Минут через пять мальчишка уже сопел носом в кровати, а взрослые не торопясь пили чай и беседовали.

– Вот смотрю я на тебя, Иван Иваныч, мужик ты вроде положительный, не пьешь, не куришь. Работа тоже хорошая. Как же так получается, что живешь без жены. Я давно хочу тебя расспросить, да все как-то неудобно. То люди вокруг толкуются, мешают, то еще что, – Ксения Иосиповна налила еще по чашке чая. – Ты только прости за любопытство, можешь и не говорить, если не хочешь.

– Да нет, отчего же. Как раз пока поездом ехали, я и сам над этим размышлял. Вот я тебе, Ксения Иосиповна, расскажу, а ты сама делай вывод, кто прав, кто виноват.

11

... До войны мы прожили всего год. Жена была моложе меня на целых семь лет, ну и стеснялась поначалу, дичилась. Потом ничего, вроде стала привыкать. Она работящая, любую работу могла делать, что по дому, что в колхозе. Когда война началась, у меня «бронь» была, а потом все равно призвали в марте сорок второго.

С войны пришел уже осенью сорок пятого. Начали жизнь вроде как заново налаживать. Вскоре Люська родилась, потом Надька. Жена в декрете не сидела, как сейчас принято, а чуть отлежалась - и в колхоз. Дети - с бабкой или с сестрой моей Пашенькой, а то и одни. Мы с утра до вечера на работе. Старшей три-четыре года было,

она уже с младшей оставалась одна. Да многие тогда так жили. А мне все на одном месте не сиделось. Счетоводом поработал, потом в магазин пошел работать, закончил курсы, вроде полегче работа. Перебрались в деревню, где я родился.

Стал я заведующим магазином. А через год - ревизия и недостача. Выбор такой: либо всю вину на себя беру, либо и меня, и бухгалтера, и еще продавца с техничкой по групповой. Это уже другая статья и другой срок. В общем, «пошел паровозом» и дали мне четыре года с конфискацией имущества. За полгода перед этим старший сын родился. Мы его Шуриком назвали в честь брата жены.

Так вот: меня за решетку, все из дома забрали – корову, теленка, поросят. В доме всё описали, только одну кровать оставили, стол да две табуретки. Шубу хорошую и то забрали, я уж не говорю про велосипед. Евдокия как-то успела спрятать сепаратор, кажется, у соседей. Она потом рассказывала, как через год пришли взимать неуплаченный налог – недоимку по сдаче шерсти, масла, молока, яиц. Скотину всю конфисковали, а налог начислили. Зашли проверяющие в дом, и один из комиссии – мордастый, в новом белом овчинном полушубке и хромовых сапогах, постукивая сложенной плеткой по голенищу сапога, начал глумливо выпытывать, что да как, почему налог вовремя не заплачен. На слова о том, что платить нечем, скотины-то нет, бросил коротко:

– Нас это не касается. Чем можешь покрыть неустойку?

И тут его взгляд упал на сепаратор.

– А это что? Сепаратор! Значит, молоко у вас есть! Где корову прячешь?

Дети маленькие ревут. Жена ему:

– Нет у нас никакой коровы, вон с пол-улицы людей носят молоко сепарировать, да и оставляют за это кружку молока с ведра. Видишь, у пацана рахит.

А у Шурки годовалого живот раздутый и ноги кривые – стоять не может.

А этот мордастый:

– Тогда изымаем сепаратор в счет недоимки.

Дунька хватает топор и спокойно так ему говорит:

– А ну, попробуй! Башку тебе враз раскрою, пусть потом и меня сажают, а детей в детский дом – государство воспитает!

Люська, ей тогда шесть лет было, упала перед этим боровом на колени:

– Дяденька, не забирайте сепаратор, у нас Шурик от рахита умрет!!!

Тот видит такое дело, другие не ввязываются – стыд, наверное, какой-то остался, назад к дверям:

– Ладно, скажи вон дочке своей спасибо, а то сейчас бы и тебя определили.

Хлопнул дверью и пошёл со двора. А налог потом списали, как ошибочно начисленный.

Так вот мне в лагере сытнее жилось, чем им дома. Хоть и на лесоповале тоже не сахар. Ну, отбыл я в Хабаровском крае три года – за хорошую работу год скостили.

Вернулся домой, жена плачет, обнимает, а сама костерит, на чем свет стоит. В магазин работать идти нельзя, запретили на пять лет работу в торговле. Окончил я курсы комбайнеров и стал механизатором работать. Но шило в одном месте так и осталось. Все казалось, что там хорошо, где нас нет. За пятнадцать лет переезжали шесть раз с места на место по всему району. В итоге, на второй круг оказался я продавцом в том же самом сельпо. Опять перевез семью, к тому времени Валерка родился, а перед ним малыш грудной еще застудился и от воспаления легких умер.

Стал я опять заведующим в том же самом магазине и наступил опять на те же грабли, но уже с другой стороны.

Помолчал немного и, отпив остывшего чаю, продолжил:

– Жена стала требовать, чтобы устроил её в магазин техничкой. Ревновать стала меня к той, которая там работала. Не отстала, пока своего не получила. А в скорости стал я замечать, что к концу дня жена навеселе. Момент улучшить всегда можно, тем более вино на разлив продавалось. А как немного попадет, начинает скандалить, жаловаться, что жизнь ей всю поломал. Как я только ни пытался её контролировать, по-хорошему пытался разговаривать. Так продолжалось года три, и эту войну я проиграл. Пришлось уйти из магазина, снова стал сельским хозяйством заниматься.

Правда, домашнее хозяйство держалось крепко. Корова, бык, свиньи, утки, куры и даже индюки. Евдокия хозяйка была хорошая, и когда не злоупотребляла, то все в руках горело. Начальство, когда из района наезжало, в Умыган или в Будагово, на обратном пути частенько к нам заглядывало. И все бы хорошо, но снова застолье, а после этого – опять ругань.

Потом меня устроили бухгалтером в правление колхоза. В Умыгане год я жил, домой приезжал на воскресенье только. Хотя я внутренне уже и готов был развестись, оставить все жене и жить отдельно, но потом вместе решили продавать дом и опять переезжать, хотя надежды спасти семью уже не было. Как трезвая – все нормально, а как попало ей что, так домой с работы как на войну. Дошло до того, что иногда в контору уходил ночевать. Брал младшего, – здесь Иван кивнул в сторону спящего сына, – он ещё в школу не ходил, и шли с ним в контору. Сторож открывает, поработаю для виду с бумагами, а потом на стол газет постелю себе и сыну и спим. Утром пораньше встану, сына до дома доведу, а сам, не заходя, обратно.

В итоге не выдержал я и сбежал. Советовали мне некоторые доброжелатели, чтоб я её поколачивал – и будет как шелковая. Мол, многие так делают. А я бить её не мог, хотя несколько раз не удержался и ударил. А один раз чуть ножовкой не зарубил, пилил что-то во дворе, ну, а она любила из себя выводить. Вот и подумал, либо убью как-нибудь и детей сиротами оставлю, либо надо уходить. Ну, а как именно в Тайшете оказался, я уже как-то рассказывал.

Вот и думай теперь, кто виноват, что дети то без отца, то без матери живут. Она теперь сошлась с мужиком каким-то. Сын рассказывал, что как получка, так на пару с неделю пьют. Здесь все-таки мы оба с ней виноваты.

– Да-а. Что тут скажешь? – молвила Ксения Иосиповна, которая ни разу не прервала монолог и только вытирала время от времени глаза уголком накинутаго на плечи платка. – Детям-то все одно без матери тяжело.

– Вот и я о том же. Раз у нас с тобой пошел такой откровенный разговор, то и я задам вопрос. Я ведь тоже к тебе, Ксения Иосиповна, давно пригляделся. Хоть лучше родной матери для ребенка и нет, но... – Иван замешкался, подыскивая подходящие слова.

– Да ты, Иван Иванович, никак предложение мне делаешь? – Ксения Иосиповна смущенно улыбалась.

Предложение Ивана было ей приятно. Ей и самой хотелось иногда на склоне лет иметь рядом надежное плечо. И хоть, будучи хозяйкой такой домашней гостиницы, скучать не приходилось и общения с людьми хватало, но хозяин – он хозяин и есть. И как человек Иван ей нравился. На деревенских мужиков совсем не похож, скорее интеллигент, образован, и даже материться не умеет, а скорее всего не может. В его присутствии и другие как-то себя культурней ведут.

– Ты только не обижайся, Иван Иванович, но вопрос уж больно серьезный. Даже если бы я и согласилась, то на кого я оставлю все это. Дети разъехались давно, а внуки иногда бывают. Да и в деревню чужую на старости лет ехать! Я хоть многих из деревни знаю – кто уж у меня только не ночевал, а только свое, оно свое и есть. Да и дети твои как к этому отнесутся? Понравится им с мачехой жить?

– Ты вот через пару лет на пенсию уже выходишь, вот тогда и потолкуем. Может, что и сладится, – Ксения Иосиповна взглянула на ходики, – ой мамочки! Уже третий час ночи.

– Все-таки будем считать разговор не оконченным!? – полуутвердительно промолвил Иван, вставая из-за стола, и вдруг легонько приобнял хозяйку за плечи.

– Всё-всё, Иван Иванович, – отстраняясь от него на самую малость, смущенно промолвила та, – уже поздно, пора спать...

12

Назавтра всех ожидала приятная неожиданность. Людмила, правда, знала об этом, но помалкивала. Когда встречали с электрички Валерку, то оттуда вывалила целая куча гостей: старший сын Александр, его молодая жена Ольга со своим отцом Николаем и еще племянница Ольги Леночка, лет шести. Оказывается, они совершали целый круиз: из Улан-Удэ, где жили, приехали в Курзан к сестре Николая, побывали в Умыгане у матери и, захватив Валерку, все вместе отправились дальше – в Тайшет. Людмиле отбили телеграмму, но та отцу ничего не сказала – сюрприз!

Для младшего Вовки день пролетел в счастливом угаре, особенно, когда узнал, что все вместе едут в Черчет, да еще до Тремино на самолёте. Отец дозвонился до конторы и договорился, что за ними в Тремино пришлют колхозную машину.

С Ленкой быстро нашли общий язык.

– Я тебе покажу всю деревню. Там у нас штаб за огородами. И еще где старые комбайны гусеничные стоят, мы там в войнушку играем. А спать будем на сеновале, с Шуркой, он нам сказки будет рассказывать. А еще к нам недавно медведь приходил ночью, прямо в деревню, все собаки со страху чуть не обделались, а охотники его прогнали выстрелами, – Вовка взахлеб делился с новой подружкой деревенскими новостями.

– А завтра на кукурузнике полетим. Ты летала на самолете? Я тоже нет, но ты не бойся, это совсем не страшно, сорок минут и мы на месте, мне папка рассказывал...

Еще через день самолет местных авиалиний Ан-2, который в народе все называли кукурузником, принял в свое нутро двенадцать пассажиров, большую часть которых составляли наши герои и их гости, и, ревя двигателем, вырулил на взлетную полосу. Черно-белая «колбаса», болтающаяся на шесте, висела почти неподвижно, обозначая своим видом почти полный штиль. Развернувшись вдоль взлетной полосы в сторону поля, самолетик взревел еще сильнее, покотившись все быстрее и быстрее, подпрыгнул и резко пошел вверх и влево на север, все выше и выше.

Пассажиры прильнули к небольшим круглым окнам и смотрели вниз, на дома, дороги и машины, которые вдруг на глазах превращались из настоящих в игрушечные. У летевших впервые поначалу были не очень приятные ощущения, но это только в самом начале, когда самолет набирал высоту. А затем – чувство эйфории.

Внизу проплывали улицы города, появилась железная дорога и поезда, которые медленно тянулись по ниточкам рельс. Вскоре город остался позади, а внизу проплывали поля и перелески, переходящие в леса, небольшие деревеньки, озерца и маленькие речушки, очень прихотливо изогнутые.

Казалось, что самолет плыл по воздуху медленно, но если смотреть на тень от него внизу, то видно, как быстро она скользит по деревьям, сверху похожих на кучерявую траву.

Пассажиры, делясь впечатлениями, что-то показывали пальцами друг другу в иллюминаторах, пытаясь перекричать рев двигателя. Показалась большая река с протоками, заливами и островами, и вскоре самолет, сбавив обороты двигателя, начал снижаться и поворачивать. Лес стал увеличиваться, река расширяться, а дома деревни превратились сначала в спичечные коробки и тут же выросли до настоящих реальных размеров. Замелькали деревья, уже не внизу, а напротив, и самолет, коснувшись земли, тряско побежал по полосе, взревев реверсом двигателя. Потом развернулся и медленно подъехал к небольшому зданию аэропорта. Перелет закончился.

Возле аэродрома стоял ожидающий пассажиров колхозный газик. Посадили в кабину попутчицу – пожилую женщину, сами, покидав вещи в кузов, расположились на них же. Постучали по кабине: «Трогай!» и покатали в Черчет...

Вместо эпилога

Черемшанское кладбище находится сразу за деревней, в которой осталось всего несколько домов. К нему от дороги через лужайку по едва приметной тропе, в сухую погоду можно вплотную подъехать на машине. В Троицкую родительскую субботу дожди случаются редко, вот и сегодня на небе ни облачка. В небольшом, но очень густо заросшем лесочке нашли себе последний приют бывшие жители не только этой, но и соседних деревень, которые стойко пережили две мировые войны, коллективизацию, но не выдержали укрупнений и колхозных преобразований и потому были стертых с лица земли еще в советское время. Оставшиеся из них – бывший поселок Точильный и сама Черемшанка – доживают последние годы и вместе со своими уже немногочисленными жителями медленно умирают.

По привычке, сложившейся в советские годы, люди на кладбище ходили в самый день Троицы, до обеда, а не накануне, прибраться на могилах, подновить краску на памятниках и оградках да помянуть родных. Посидев возле своих, шли проведать и другие знакомые могилки. Встречались с бывшими когда-то односельчанами, приезжающими теперь раз в год, а то и того реже, обнимались и разговаривали, потом шли в деревню. И тогда, то в одном, то в другом дворе начиналось веселое, уже не поминальное застолье.

Вот и завтра будет здесь относительнолюдно, хотя и не так, как было лет двадцать или даже десять назад. А сегодня на кладбище тихо, и только в одной из оградок прибирался мужчина. Сначала убрал нападавшие за год сучья и сухие ветки, потом граблями вычесал из травы прошлогодние листья. На кладбище не жарко: солнце не может пробиться через густую листву берез и черемух, обильно разросшихся вокруг.

Закончив уборку, мужчина перешел на другой участок, находившийся метрах в двадцати. Здесь ограда большая, частью сохранившаяся кованая, с крестами поверху, частью – новодел. Это братская могила солдатам, ехавшим в 1905 году на Дальний восток воевать с японцами, но погибшим при крушении воинского эшелона на разъезде Точильный. На большом мраморном памятнике, установленном через год после крушения, - фамилии четырнадцати погибших солдат, покоящихся здесь. С другой стороны – фамилии тех, чьим усердием был сооружен сей памятник, и слова из псалтири: «Человек яко трава, дни его яко цвет сельный; тако отцветет...».

Год назад памятник выровняли рабочие-путейцы из Решот. Сверху закрепили небольшой деревянный крест, взамен когда-то стоявшего там чугунного. В оградке убрано, только несколько свежих упавших веток. Возле памятника - небольшая иконка Спасителя.

Мужчина убрал ветки, положил к памятнику букет цветов, зажег лампадку и, достав молитвослов величиной с ладонь, прочитал заупокойную литию о «...Зде лежащих и повсюду православных христиан». Перекрестившись и сделав последний

поклон, он пошел обратно к месту, где тридцать с лишним лет тому назад был похоронен его отец, последние годы свои проживший в Точильном. На могилку положил цветы и достал из пакета, висевшего на оградке, пригоршню конфет и небольшую фляжку. Отвинтив пробку, еще раз поклонился и, сделав добрый глоток коньяка, закусил конфеткой. Осторожно стряхнул бежавшего по скамейке муравья, присел и задумался. Где еще, как не здесь, подумать о жизни своей, родителей и предков. Уже много лет в этот день он приезжал сюда и любил сидеть вот так один и вспоминать.

Многое, что было в детстве, память уже не сохранила, но всегда перед его глазами - идущие в вечности проселочной дорогой по утреннему сверкающему лесу отец и сын. А в сознании звенит уносящаяся в высь песня:

– Я люблю тебя, жизнь!!!

И надеюсь, что это взаимно...